

ВАСИЛИЙ ПЕТРОВИЧ АНДРЕЕВ — УЧИТЕЛЬ, ВРАЧ, ЧЕЛОВЕК
(к 100-летию со дня рождения главного психиатра МЗ ТАССР)

Василий Петрович Андреев родился 18 (31) июля 1903 г. в г. Симбирске в многодетной семье служащего. У родителей было 13 детей, среди которых Василий выделялся крайне слабым здоровьем. В 10-летнем возрасте у него подозревали язву желудка, несколько позднее — туберкулез кишечника. Общая вялость, слабость, боли в брюшной области, необходимость в регулярном соблюдении диеты не давали ему возможности долго участвовать в подвижных играх с другими ребятами. Физическая слабость заставляла Василия днем после учебы в школе отдыхать 1-2 часа. Бесконфликтность, ровность в общении позволяли ему легко уживаться с различными людьми. Он много читал, хорошо учился в школе, тем не менее каких-либо любимых предметов у него не было*.

В 1920 г. Василий в г. Симбирске окончил первую опытно-показательную школу II ступени. В большой родительской семье были материальные затруднения, вместе с родным дядей Василию даже пришлось подрабатывать в мастерской по изготовлению гробов. Осенью 1920 г. В. Андреев был призван на военную службу, однако в связи со слабым здоровьем его направили служить санитаром в 813-й полевой запасной военный госпиталь, который располагался также в Симбирске. Через год начальник госпиталя командировал его на учебу в Казанский университет на медицинский факультет.

Материальное положение семьи Андреевых продолжало ухудшаться. Сыну, обучающемуся в Казани, родители не могли оказывать никакой помощи, стипендии на жизнь не хватало, и Василию приходилось подрабатывать. В связи с выходом отца на пенсию в 1924 г. трудности в семье стали непреодолимыми, и Василию после 3-го курса пришлось оставить учебу, чтобы помогать семье. Два последующих года, несмотря на слабое здоровье, Василий работал на строительстве железных дорог: сначала ветки Дружинино — Свердловск, затем на перегоне Зеленый Дол — Краснококшайск. Работа велась

ударными темпами, приходилось работать посменно, в том числе ночами. Зарплаты рабочего-разбивщика хватало лишь на скромное существование, при этом часть денег Василий отправлял родителям. Однако вопреки всему, тяжелый физический труд закалил юношу, и здоровье его улучшилось.

В сентябре 1926 г. Василий Петрович возвратился на учебу в Казанский университет, но его восстановили только на 2-й курс. Все последующие годы он совмещал учебу с работой в психиатрической клинике Казанского университета сначала в качестве надзирателя, а затем лекпома.

В его архивном деле сохранилось удостоверение, полученное им при окончании университета в 1930 г. Оно было подписано директором психиатрической клиники проф. Т.И. Юдиным и датировано от 2 июля 1930 г. В нем было написано следующее: “Удостоверение выдано Андрееву Василию Петровичу в том, что он, будучи студентом, с сентября 1927 года по июнь 1930 года работал в психиатрической клинике в качестве брата милосердия, причем все годы проявлял интерес к работе, посещал клинические конференции, читал психиатрическую литературу. На IV курсе официально был допущен к клинике в качестве выдвигенца. На V курсе принимал участие в работе психоневрологического сектора НМК и состоял в его президиуме”.

Несмотря на то что приказом по Казанскому университету Василий Петрович Андреев был утвержден с 1 июля 1930 г. штатным ординатором психиатрической клиники, Наркомздрав РСФСР отправляет его на работу в Карамзинскую психиатрическую колонию Ульяновской области в качестве врача-ординатора. Приказ по Казанскому университету был аннулирован и Василий Петрович уезжает в “Карамзинку”. Такой поворот в жизни В.П. Андреева случился потому, что именно в 1930 г. произошло значительное расширение коечного фонда Карамзинской психоколонии, и на решение Наркомздрава РСФСР повлияла просьба Самарского крайздравотдела прислать именно В.П. Андреева как выходца из Ульяновска в связи с

* Сведения о личной жизни В.П. Андреева получены от его племянницы, врача-психиатра Е.В. Звездочкиной.

с возможностью его проживания в родительском доме. Таким образом, он якобы не нуждался в предоставлении ему служебного жилья.

В Карамзинской психокolonии В.П. Андреев проработал чуть более полугода (с 7 июня по 25 декабря 1930 г.). По ходатайству перед Наркомздравом проф. Т.И. Юдина Василий Петрович вновь приказом по Казанскому медицинскому институту зачисляется штатным ординатором психиатрической клиники, но уже с 1 февраля 1931 г. Обучаясь в ординатуре сначала под руководством Т.И. Юдина, а затем М.П. Андреева, он становится квалифицированным и опытным психиатром, чему в значительной степени помогла работа в прошлом в клинике в качестве надзирателя и леккома. Благодаря своей мягкости, вдумчивости, умению беседовать с больными, он быстро завоевал любовь и уважение как персонала, так и больных. Вместе с сотрудниками Василий Петрович изучает немецкий язык, выступает с рефератами отечественной и зарубежной литературы, находится в поиске перспективной темы научного исследования.

Совершенно неожиданно из Москвы, из сектора кадров Наркомздрава РСФСР, 7 января 1933 г. приходит приказ “срочно откомандировать в Дальневосточный край психиатра В.П. Андреева”. На основании этого документа его отчисляют из ординатуры до ее окончания (позднее выяснится, что в Наркомздраве РСФСР неправильно высчитали сроки окончания им ординатуры). Кроме того, планы и.о. заведующего кафедрой психиатрии М.П. Андреева и директора КГМИ И.С. Алуфа в отношении судьбы В.П. Андреева были другими. Они составляют письмо, которое за подписью Наркома здравоохранения Татарской республики срочно отправляют в Москву в Наркомат здравоохранения РСФСР. В письме сообщается, что к 7 января 1933 г. В.П. Андреев еще не окончил ординатуру, так как приступил к занятиям только с 1 февраля 1931 г. “по задержанию на районной работе. В.П. Андреев должен закончить две научные работы, и после окончания ординатуры предполагается его назначение на место ассистента. Кроме того, В.П. Андреев проводит работу в наркологии (заведование одним из филиалов)”. Нарком Здравоохранения ТАССР в своем письме ссылается также на кадровые трудности, вакантные должности в Окружной психиатрической лечебнице. “Откомандирование из пределов нашей республики одного из стажированных, знакомых с местными условиями и ведущего широкую

общественную работу в области психиатрии работника является совершенно невозможным”. Наркомздрав РСФСР удовлетворил ходатайство Наркома Здравоохранения Татарии — приказ об отчислении из ординатуры В.П. Андреева отменяется. Он остается в ординатуре вплоть до конца августа 1933 г. К этому времени он завершает научное исследование на тему: “Истероидные реакции и их форма взаимозависимости от конституционных особенностей”. Работа была отправлена в печать, но по неизвестным нам причинам ее не опубликовали. Рукописи статьи в архивах Василия Петровича Андреева мы не обнаружили.

В связи с предстоящим окончанием ординатуры и.о. директора психиатрической клиники М.П. Андреев пишет на имя директора КГМИ отзыв о В.П. Андрееве. В этом отзыве его характеризуют следующим образом: “Работник знающий, исполнительный и инициативный. В области психиатрии он вполне достаточно освоился с необходимым запасом знаний, является хорошим клиницистом, проявляет способности к научной работе, принимает участие в преподавательской работе. “Ввиду всего этого, а также принимая во внимание его хорошую ориентировку в административной работе по клинике (хозяйственный ассистент)”, М.П. Андреев рекомендует Василия Петровича в сверхштатные ассистенты клиники, и с 8 марта 1934 г. его зачисляют штатным ассистентом.

Первая печатная научная работа “Гравиданотерапия при душевных заболеваниях и наркоманиях” В.П. Андреева вышла в 1934 г. («Казанский медицинский журнал», №11-12). История гравидана в СССР, на наш взгляд, достаточно любопытна и достойна быть описанной. Вряд ли В.П. Андреев, в те годы ординатор, самостоятельно выбрал эту тему. Возможно, его руководителю Т.И. Юдину или М.П. Андрееву показалось данное исследование перспективным не только в практическом, но и в научном плане. В конце 20-х и до середины 30-х годов XX столетия гравидан наделал много шума не только в медицинской среде. О нем знало практически все население страны. В те годы он значил даже больше, чем сейчас виагра. Но все по порядку. В 1929 г. немецкие ученые Ангейм и Зондек опубликовали работу, в которой доказали наличие в моче беременных женщин вещества, способного при инъекции под кожу мышонка вызвать у него за четверо суток созревание половых органов. Ученые предложили применять этот метод для точного установления

беременности у женщин. Проф. Н.К. Кольцов, в те годы директор Института экспериментальной биологии Наркомздрава СССР предложил своему сотруднику А.А. Замкову проверить правильность выводов Ангейма и Зондека. А. Замков быстро овладел техникой воздействия мочи на молодых мышей и подтвердил результаты немецких ученых. Ввиду такого явного действия гормонов мочи беременных женщин на половые органы грызунов А. Замков провел аналогичные обследования людей, страдавших от недостаточной активности половых желез. В отличие от немецких авторов, А. Замков отказался от попытки извлекать гормон из мочи с помощью спирта и других реагентов (как это предлагали Ангейм и Зондек), а решил вводить под кожу пациентов непосредственно мочу беременных женщин, стерилизованную особым образом. Полученный препарат был назван гравиданом.

Идея омолаживания организма была очень привлекательной для всех слоев населения, но особенно для пожилых руководителей самого высокого ранга. И тут как раз во время появился гравидан. Работе над препаратом было придано общегосударственное значение как борьбе за оздоровление всего населения страны. Чудодейственное омолаживание с помощью гравидана, по некоторым источникам, испытали на себе А. Пешков (М. Горький), начальник оперотдела ОГПУ Карл Паукер, начальник разведуправления Красной Армии Ян Берзин и др. Именно они стали активно помогать А. Замкову в расширении объема исследований, в получении из-за границы большого количества белых мышей и т.д. Сам А. Замков в рекламе своего препарата переходил все мыслимые границы. Вот что он писал в одном из своих отчетов: «Истощенному 20-летнему жеребцу, который от слабости едва стоял на ногах и уже не принимал корма, 10 раз был впрыснут гравидан по 50 см кубических. Жеребец после уколов стал есть, понос у него прошел, появилась мышечная сила. На нем снова стали работать — боронить, пахать и запрягать для езды. У жеребца появилось яркое половое влечение. Чувство привязанности к одной кобыле стало так велико, что на ее призывный зов он несся к ней во всю мочь, даже будучи в упряжке, через все преграды — канавы, изгороди. Жеребец дал потомство».

Как отмечали сторонники применения препарата, особенно хорошие результаты гравидан дает при психических расстройствах. Вот какой пример приводит проф. Н.К. Кольцов в отзыве о работе доктора А.А. Замкова в Институте

экспериментальной биологии НКЗ в 1929—1930 годах: «Блестящий пример целебного воздействия гравидана пришлось наблюдать несколько месяцев тому назад у жены сотрудника ИЭБ профессора С. У пациентки после операции, повлекшей за собой прекращение менструаций, обнаружились симптомы буйного помешательства. Проф. Ганнушкин определил у нее неизлечимую психическую болезнь. Профессор С. в тяжелую для себя минуту вспомнил о гравидане, достал стерильную мочу беременных и после трех инъекций добился полного «внезапного» излечения больной».

Общественный резонанс использования гравидана был столь велик, что в 1933 г. по этому вопросу вышло специальное Постановление Совета Народных Комиссаров СССР, утвержденное Политбюро ЦК ВКП (б), и выделены немалые средства для созданного Научно-исследовательского института по урогравиданотерапии.

После опубликования этого постановления дела у А. Замкова пошли в гору еще более бурными темпами. В нескольких московских больницах были созданы «гравидановые точки», в которых пациентов начали лечить этим препаратом. Результаты превосходили все ожидания. Так, главный врач психоневрологической лечебницы проф. И. Стрельчук сообщал А. Замкову о результатах лечения 11 наркоманов и 23 больных алкоголизмом. «Еще никто из выписанных пациентов, — писал И. Стрельчук, — после лечения гравиданом не рецидивировал».

Судя по отчетам А. Замкова, «гравидановые точки» открылись в 250 больницах во всех уголках страны. В пятилетний план своего вновь созданного института он вносит обязательство излечивать практически все — эпилепсию, шизофрению, астму, пороки сердца, тиф, сифилис, туберкулез, язву желудка, рак и т.д.

В этой удивительной, маловероятной, но действительно произошедшей истории поражает способность автора гравидана выйти на самые верхние эшелоны Советской власти и добиться желаемых для него решений. Здесь возможны два пути развития событий. Первый — о котором мы уже упоминали, — это использование А. Замковым своих высокопоставленных клиентов. Но был, вероятно, и другой прямой путь к руководству ВКП (б) и Совета Народных Комиссаров. Дело в том, что женой А. Замкова была уже известная в то время, а позднее народная художница СССР Вера Игнатьевна Мухина, автор «проникнутых героическим пафосом обобщенно-

символических произведений “Пламя революции” (1922—1923 гг.), группы “Рабочий и колхозница” (1937 г.) и др. (Советский энциклопедический словарь, М. 1983 г.). Действительных движущих механизмов происшедших событий мы не знаем, поэтому ограничимся двумя этими гипотезами.

Вот в такой обстановке всеобщей эйфории ординатор, а затем и ассистент кафедры психиатрии Казанского мединститута В.П. Андреев с осени 1933 до весны 1934 г. провел лечение гравиданом 58 больных, среди которых были выделены группы инволюционных психозов, реактивных состояний, шизофренических состояний и наркоманий. Резюмируя полученные результаты, автор подтвердил благоприятный лечебный и оздоравливающий эффект гравидана, за исключением группы шизофренических состояний, в которой “никаких изменений не наступило”.

Так началась и закончилась эпопея гравиданотерапии в Казани, а спустя несколько лет она завершилась и в стране. Стало очевидным, что возложенных на гравидан Политбюро ЦК ВКП(б) и Советом Народных Комиссаров СССР ожиданий он не оправдал и в 1938 г. Институт урогравиданотерапии был закрыт. Дальнейшая судьба автора гравидана доктора А. Замкова нам неизвестна.

24 июня 1941 г. Василий Петрович был призван в ряды РККА. За сутки до этого (23 июня) на основании постановления Совета КГМИ директор института доцент С.В. Курашов своим приказом присваивает В.П. Андрееву ученое звание ассистента. Призванный в армию в связи с началом Великой отечественной войны, В.П. Андреев не уехал из Казани. Ему было поручено организовать при вновь созданном нейрохирургическом эвакогоспитале №1667 психоневрологическое отделение, которым он сам все военные годы и руководил. Лечение психических больных, военно-психиатрическая экспертиза, особенно лиц с реактивными психозами, отнимала почти все время. Все же ему удавалось выделять время и на научную работу. Он продолжал собирать материал для кандидатской диссертации, изучая особенности психических расстройств при малярийных энцефалитах. Кроме того, наблюдения за больными с психическими нарушениями после закрытых травм черепа привели к важным результатам, которые он в соавторстве с Р.Я. Голант и А.Р. Лурия доложил на Областной научной конференции в Москве в июне 1943 г. и на Республиканской научной конференции эвакогоспиталей в Казани в июле того же года. Доклад в виде статьи был опубликован в журнале “Невропатология и психиатрия” (№6, 1943 г.).

Во время службы в армии В.П. Андреев не прерывал связи с кафедрой психиатрии КГМИ, проводя в эвакогоспиталях занятия со студентами. С 1 сентября 1944 г. после демобилизации из армии он вновь приступил к работе на кафедре. К этому времени основное научное направление кафедры психиатрии уже сформировалось, и В.П. Андреев стал “первой ласточкой”, оповестившей об этом.

Осенью 1948 г. кафедрой психиатрии был поднят вопрос о назначении В.П. Андреева на должность доцента. Василий Петрович представил оттиски своих научных работ назначенному для их рецензирования проф. А.В. Кибякову. Перед этим в ученый совет института поступили отзывы от проф. Л.И. Оморокова и проф. Т.И. Юдина о научной и практической деятельности В.П. Андреева. На их основании проф. А.В. Кибяков делает заключение, что “работы асс. В.П. Андреева представляют научный и практический интерес и показывают способность автора к самостоятельной разработке научных проблем психиатрии”. Записка А.В. Кибякова поступила к директору института 4 ноября 1948 г., и уже 27 декабря 1948 г. совет КГМИ постановил утвердить кандидата медицинских наук В.П. Андреева в должности доцента и в ученом звании доцента на кафедре психиатрии (утверждено приказом МЗ РСФСР №68-л от 6 февраля 1949 г.). 12 марта 1949 г. высшая аттестационная комиссия при Министерстве высшего образования СССР утвердила В.П. Андреева в звании доцента.

В.П. Андреев был целеустремленным исследователем. В течение всей своей трудовой деятельности он разрабатывал одну проблему — особенности шизоформных психозов при органической патологии мозга различной этиологии. Как мы уже писали, его кандидатская диссертация была посвящена психозам при малярийных энцефалитах. Серию работ в этом направлении открыло его исследование, проведенное в первые годы Великой отечественной войны, т.е. в то время, когда он служил начальником психоневрологического отделения эвакогоспиталя. Статья, опубликованная в центральном журнале в 1943 г., не была монографической. Авторами ее, кроме Василия Петровича, были уже известные к тому времени профессора Голант Раиса Яковлевна и Лурия Александр Романович, находившиеся в Казани в эвакуации и работавшие консультантами в госпиталях и больницах. В основу работы были положены наблюдения над лицами, перенесшими закрытые травмы черепа в Первую мировую войну, гражданскую войну, в период войны с белофинами

и в Великую Отечественную войну. Такой обширный материал позволил авторам наблюдать психозы и психические нарушения на разных этапах травматической болезни мозга. Ими была предложена следующая группировка травматических психических расстройств:

1. Острые психозы, начинающиеся непосредственно или спустя очень короткий срок после возвращения сознания, через несколько дней, редко позже.

2. Группа подострых психозов с длительностью до нескольких месяцев.

3. Запоздалые психозы — так авторами названа большая группа случаев, в которых психоз начинался спустя один или несколько месяцев после травмы.

4. Резидуальные состояния после психозов, отнесенных к первым трем группам.

5. Хронические травматические психозы.

6. Травматическое слабоумие, а также психозы при хронических очаговых поражениях коры головного мозга и травматическая эпилепсия.

В статье были разобраны клинические особенности каждой группы психозов, их течение, исходы, организация помощи таким больным. Следует отметить, что группировка посттравматических психозов, которой пользуются современные психиатры, почти ничем не отличается от описанной в работе Р.Я. Голант, В.П. Андреева, А.Р. Лурия.

Параллельно с описанным выше исследованием В.П. Андреев собирал материал для кандидатской диссертации по особенностям психических расстройств при малярии. Сбор и наблюдение над больными малярийным энцефалитом Василий Петрович начал еще в предвоенное время и к 1943 г. основной материал был уже собран.

В 1943 г., когда Василий Петрович выехал в Москву на конференцию по травматическим психозам, он встретился с только что прибывшим из Харькова проф. Т.И. Юдиным и своим давним другом С.В. Курашовым, переехавшим из Казани в Москву в 1942 г. для работы в Наркомздраве РСФСР в качестве заместителя наркома. Основным итогом этих встреч была договоренность, что Т.И. Юдин при официальном обращении к нему со стороны руководства Казанского медицинского института даст согласие выступить официальным оппонентом на защите кандидатской диссертации В.П. Андреева “Психозы при малярийном энцефалите”. Два года спустя, в мае 1945 г., буквально через 2 недели после окончания Великой Отечественной войны, диссертация была успешно защищена.

Все последующие годы Василий Петрович занимался подготовкой докторской диссертации. Война дала огромный трагический материал для исследований: органические поражения мозга (закрытые и открытые травмы черепа) не исчезали бесследно, а проявлялись все более разнообразными клиническими психопатологическими картинами, которые нередко было трудно отличить от эндогенных психозов. Кроме большой группы травматических психозов, Василий Петрович изучал психозы, возникавшие после гриппозных, малярийных, ревматических и туберкулезных энцефалитов. Большой клинический материал был им хорошо систематизирован и описан. Основными выводами явились тонкие клинические критерии разграничений шизофренических психозов органической природы от шизофрении. Изменения личности по органическому типу, особенности мыслительной деятельности с ее тугоподвижностью, аффективные вспышки, интеллектуальное снижение подтверждают органический психоз. Очень интересны исследования В.П. Андреева расстройств речи у больных с шизофреническими картинами психоза органической природы. Явления шизофазии были изучены им с помощью осциллографирования и ее анализа по методике М.П. Андреева. В.П. Андрееву удалось установить, что обычно органический процесс начинается с речевых нарушений в форме различных афазий, которые в дальнейшем сочетаются с расстройствами мышления, а также с изменениями личности по грубо органическому типу. У большинства больных с шизофреническими картинами органической природы обнаруживались сужение умственного кругозора, некритическое отношение к своему состоянию, наивность, противоречивость суждений, ослабление памяти и осмысления. Речь этих больных спутана, монотонна, изобилует паразитарными словами, персеверативными оборотами. Анализируя записи больных с шизофреническими органическими расстройствами, В.П. Андреев отмечал в тексте этих писем отсутствие правильности в построении фраз, преобладание преимущественно набора существительных и прилагательных без служебных слов. Речь же больных шизофренией насыщена малоупотребительными словами, более богата, причудлива, разнообразна, с превалированием высших ассоциаций.

После получения диплома о присвоении ему ученого звания доцента В.П. Андреев в 1949 г. официально запланировал в институте тему докторской диссертации. Однако большая

общественная работа (с 1953 г. и до выхода на пенсию в 1968 г.) главным психиатром МЗ ТАССР и ухудшающееся состояние здоровья не позволили ему завершить и оформить в виде докторской диссертации свое многолетнее исследование.

В должности главного психиатра он проработал 15 лет вплоть до ухода на пенсию. Ни одно серьезное решение в области организации психиатрической помощи в республике не принималось без глубокой его проработки главным психиатром доцентом В.П. Андреевым. По его инициативе была организована Свияжская психиатрическая колония на 400 мест. В 1960 г. вместо психиатрического отделения РКБ был создан Казанский городской психоневрологический диспансер, которому было присвоено имя В.М. Бехтерева. С 1944 по 1964 г. В.П. Андреев был ответственным секретарем правления татарского общества невропатологов и психиатров, с 1964 по 1967 г. — председателем правления этого общества. В 60-е годы обществом невропатологов и психиатров ТАССР и кафедрой психиатрии впервые после 1932 г. были изданы три сборника трудов.

Более 40 лет проработал В.П. Андреев в стенах психиатрической клиники. Он был награжден медалями “За победу над Германией”, “За доблестный труд в Великой отечественной войне”, орденом “Знак Почета”, знаком “Отличнику здравоохранения”. В 1964 г. ему было присвоено звание “Заслуженный врач Татарской АССР”.

1 сентября 1968 г. В.П. Андреев выходит на пенсию, а 17 февраля 1971 г. умирает в больнице от язвенного колита.

Личное знакомство автора этих записок с доцентом В.П. Андреевым состоялось осенью 1952 г., когда я, студент четвертого курса КГМИ, пришел на заседание студенческого научного психиатрического кружка, которым руководил Василий Петрович. Каждое заседание кружка сопровождалось демонстрацией больных, что привлекало на заседание большое число студентов даже младших курсов. На пятом курсе меня избрали председателем научного кружка. К этому времени свое будущее я уже не представлял без психиатрии. На пятом курсе психиатрию нам читали профессор М.П. Андреев и доцент В.П. Андреев. Многие считали их родными братьями, но, несмотря на одинаковые фамилии и отчества, в родственных отношениях они не состояли. Профессор М.П. Андреев читал нам общую психопатологию, а доцент В.П. Андреев — частную психиатрию. Манера изложения материала у них была различной. Михаил

Петрович читал с легкой тонкой иронией, с большим количеством отступлений, со ссылками на классиков психиатрии и философии, на их высказывания и афоризмы. Василий Петрович излагал материал строго академично, систематизируя материал по разделам, что значительно облегчало не только понимание, но и запоминание. На лекциях он никогда не шутил, не отвлекался на второстепенные детали, не делал замечаний нерадивым студентам.

Василий Петрович Андреев был отличным клиницистом. У него было много пациентов, лечившихся не только в стационарах, но и амбулаторно. Большинство больных он осматривал вместе с субординаторами и врачами, поэтому любая консультация и разбор заканчивались, как правило, коллективным обсуждением. Многих больных с затяжным и хроническим течением заболевания он наблюдал на протяжении десятилетий.

С Василием Петровичем меня связывала не только учеба в субординатуре, но и вся дальнейшая работа на кафедре. Более того, после его ухода на пенсию меня по конкурсу избрали на освободившееся место доцента.

По характеру Василий Петрович значительно отличался от других сотрудников кафедры — М.П. Андреева, С.А. Эсселевича, Е.Н. Мигаловской, Е.С. Станкевич. Внешне он был суховат, немногословен, не очень общителен, одевался в строгие костюмы темного цвета с белой сорочкой и однотонным (реже в горошек) темным галстуком. Его рабочий день делился на две части. Он приходил на работу к девяти часам утра, делал обходы, консультировал больных, читал лекции. Примерно с 14 до 16 часов в клинике его не было. Лишь много позднее я узнал, что после домашнего обеда он обязательно 1,5-2 часа спал, дремал или читал. После 16 часов он шел в министерство или в институт, где занимался общественной работой. В те годы Василий Петрович был всегда астеничен, редко оставался на праздничные вечера, проходившие на кафедре. Он был худощав, высок, несколько сутуловат. Я его всегда помню в очках. Впалые щеки и бледноватый (даже после лета) цвет лица придавали ему болезненный вид. У него была прекрасная черная шевелюра, за которой он тщательно ухаживал, был всегда аккуратно причесан, размерен в походке и движениях. Я помню, как несколько раз, причесывая свои волосы, он с удовольствием отмечал, что у него значительно меньше седых волос, чем у меня. Однако в домашней обстановке Василий Петрович был совсем другим человеком. Он очень любил

свою жену, нежно заботился о ней, называл “русенок” (видимо, по цвету ее волос), поддерживал теплые отношения со своей матерью, которая приехала в Казань и жила у своей дочери.

Квартира Василия Петровича находилась почти рядом с клиникой, на улице Бутлерова, в том месте, где сейчас расположено здание АТС-36. Я неоднократно бывал у него дома. Он жил на втором этаже деревянного дома. В квартиру прямо с улицы вела лестница. При доме был небольшой участок, на котором Василий Петрович с удовольствием выращивал прекрасные цветы, даря их потом ректору, сотрудникам клиники. Я помню огромные пионы, гладиолусы, которые занимали не только участок около дома, но и украшали всю квартиру. Василий Петрович жил вдвоем с женой, Верой Ивановной Танкеевской — кандидатом медицинских наук, ассистентом кафедры невропатологии). Детей у них не было вследствие перенесенного им в детстве паротита с осложнениями.

Другим увлечением Василия Петровича были книги. Вся квартира была заставлена стеллажами, заполненными книгами отечественных классиков и психиатрической литературой. Я часто пользовался его книгами по психиатрии. В них на полях я видел заметки Василия Петровича, вопросительные или восклицательные знаки, бумажные закладки, на которых он выписывал понравившиеся или спорные мысли. К сожалению, судьба его психиатрической библиотеки после его смерти осталась мне неизвестной.

По вечерам он и его жена в погожие дни сидели на балконе, который нависал над садом, и любовались цветами. Как в старых добрых кинофильмах или романах, изображавших идиллические картины, он нередко читал вслух какую-либо книгу. К вечеру он очень уставал, и шумные мероприятия ему были в тягость, поэтому они редко выходили “в свет” (в театр и даже в гости), так как диета, требовавшая частого дробного питания, привязывала его к жене и дому.

По этим же причинам он редко выезжал из Казани в командировки. Исключение составляли только крупные конференции и съезды невропатологов и психиатров.

Близких друзей у него было очень мало. Много лет он дружил с С.В. Курашовым и никогда не пытался использовать эту дружбу в корыстных целях. Был дружен с С.А. Эсселевичем, М.П. Андреевым, И.И. Русецким.

Несмотря на многолетнее серьезное соматическое заболевание, Василий Петрович никогда не был нытиком и ипохондриком. При всей внешней мягкости и бесконфликтности Василий Петрович был очень твердым и решительным по характеру человеком и, если было надо, то умел отстаивать интересы кафедры, клиники и психиатров Татарии как в большом, так и в малом. Я хорошо помню, как в период строительства кирпичного забора по периметру сада клиники городские власти пытались выровнить дорогу, идущую с ул. Чехова на ул. Бутлерова по тыльной стороне за счет выкорчевывания ряда деревьев сада клиники. Василий Петрович буквально “дрался” за каждое дерево в саду, дошел до Совета министров республики, но доказал свою правоту, и Казанский горисполком оставил сад клиники в его полном объеме, сделав крутой объезд территории сада вдоль оврага ул. Госпитальной. Таким был доцент Василий Петрович Андреев и в больших делах, в частности когда добивался переселения кафедры микробиологии КГМИ из здания психиатрической клиники в 1959—1960-х годах, при создании межрайонных поликлинических отделений и самого городского психоневрологического диспансера, сети районных психиатров.

Таким неоднозначным он и запомнился всем тем, кто знал его лично.

Проф. Д.М. Менделевич
(Казань)

.....